

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ

ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ

Фантастический рассказ

I

ПУР Седьмому неизвестный объект вначале показался кометой. Он вылетел откуда-то из-за роя астероидов, вращающихся по причудливым орбитам вокруг Юпитера, и направился к базе.

ПУР Седьмой изменил курс своего обычного патрульного облета базы и пошел на сближение с объектом.

Объект повернул влево. Изменение его курса составило всего лишь один и две десятые градуса.

Однако ПУР Седьмой мгновенно подсчитал гравитационное возмущение, массу объекта, его скорость и определил, что изменение курса нельзя объяснить притяжением Юпитера. Причина отклонения находилась в самом объекте: то ли это были какие-то происходящие в нем процессы, например, реакция вещества на изменения среды; то ли направленная воля. Возможно, он уклонился от встречи.

ПУР Седьмой поступил так, как поступил бы на его месте любой другой ПУР — патрульный универсальный робот: он известил базу о появлении объекта. Сообщение он передал обычным кодом. Одновременно выдвинул несколько антенн, сфокусировал инфравизоры, готовясь, как только база разрешит, начать глубинное исследование объекта.

В кристаллическом мозгу ПУРа Седьмого журчал хронометр, отсчитывающий миллисекунды. Их минуло уже много, но ответа с базы не было. «Люди мудры, но медлительны, — думал ПУР. — Они великодушные медлительные хозяева...»

Патрульный снова включил передатчик и затребовал контрольный отзыв...

Отзыва не было. База молчала.

«Такого еще не случалось, — думал ПУР Седьмой. — О чем это свидетельствует? Люди могут медлить. Но ошибаться они не могут. Это исключено. Значит...»

Сиреневые сполохи играли на поверхности объекта, завивались в облака...

II

— Мария, — сказал Олег, притрагиваясь к ее руке. Выражение его глаз было жалким и упрямым одновременно. — Ничего у меня не выйдет...

Она не смотрела на него. Даже не убрала прядь волос, свисающую со лба. Он ждал, что сейчас из-за этой пряди, словно из-за кустов, блеснет серый холодный глаз. Но Мария не подымала ресниц — длинных, прямых, жестких. Она и так, не глядя, знала, какое у него сейчас лицо. За год совместной работы на спутнике-базе можно узнать человека лучше, чем за тридцать лет жизни на Земле.

— Да, ты не изменился, — сказала она. — И не надо. Не подражай программе, которую ты изобрел для своих роботов.

— Но сколько же это будет длиться?..

Она молчала. Лучше не давать повода для разговора. Старая песня. Надоевшая песня. Ненужная песня.

Мария потянулась к дверце термостата. Щелкнул замок. Она вынула пробирку с жидкостью. Посмотрела на свет, прежде чем вставить в автоматический микроскоп. Жидкость помутнела, приобрела розоватую окраску.

— Штамм мутировал, — сказала она. — Космос заставил его измениться.

Она говорила «без подтекста», но Олег сам вообразил его.

— Советуешь и мне облучиться? Измениться через ДНК? Стать таким, как нужно тебе?

Она тряхнула головой. Золотистая прядь взметнулась у виска. Мария повернулась к Олегу, в ее глазах сверкал синий лед.

— Неужели ты не можешь понять? Ты, признанный гений, изобретатель Главного оружия, конструктор патрульных роботов? Жаль только...

Он попытался придать своему лицу насмешливое выражение, и Мария закончила резче, чем намеревалась:

...— что ты не понимаешь людей.

— Возможно, — подозрительно быстро согласился Олег. — А как бы ты посоветовала научиться понимать их?

Она по-своему истолковала его ответ и поспешила защититься:

— Об этом нам твердят в школе, когда советуют больше интересоваться художественной литературой...

Он пожал худыми, острыми, сильными плечами:

— Но я читаю достаточно. Не только по математике и кибернетике. Ты знаешь...

— Ну да, как же, по биологии, — подхватила она. — По анатомии и физиологии человека...

Он принял вызов. Не ожидая приглашения, сел, закинул ногу за ногу. Сплел до хруста пальцы и обхватил ими колено.

— Верно, — сказал он. — По биологии. По философии. Там есть основа всего, о чем толкует художественная литература.

Он сказал «толкует», хотя мог бы догадаться, что этого она ему не простит.

— Образы тигров и характеры змей. Это ты хотел сказать?

— Там есть все, из чего можно составить и образы, и характеры, и варианты поведения людей. Элементарных блоков и механизмов не так уж много, пожалуй, даже меньше, чем букв в языке.

— Если тебя интересуют только буквы, ты никогда не научишься говорить и понимать то, что говорят тебе, — ответила она.

— Например, я знаю, что главное твое качество — упрямство. Но разве мне обязательно знать все его проявления?

— Наконец-то договорились, — обрадовалась она.

Но он не уходил, и его взгляд был достаточно краспоречив.

— Я устала, — сказала Мария. — Почему ты хоть этого не поймешь? Почему вы все этого не поймете? Да, мне нравятся иные люди, такие, как Петр. Почему вы не оставите меня в покое? Я не гениальна, но я ведь имею право на индивидуальность. Так же, как ты. Не жди напрасно. Я не могу измениться. Я не робот...

Ее рука дрожала, когда она вставляла пробирку в объектив ЭМП-спектроскопа.

— Мы неизменны, как наши гены, — попытался пошутить Олег.

Она поддержала его, но таким тоном, который исключал компромисс.

— Да, мы неизменны, — резко сказала Мария. — И в этом есть смысл.

— Но нет мостика через пропасть...

Мария не отвечала больше, сосредоточенно набирая код программы. Она не смотрела, как вяло, будто все еще раздумывая, поднялся Олег, как ушел. Подняла голову, когда рядом послышался другой голос — жесткий, скрипучий, словно состоящий из одних обертонов:

— И все же принцессе придется стать снисходительней.

Этот человек с нервным длинным лицом и пронзительным взглядом был для нее недосыгаемым и желанным повелителем. Но он не нуждался в рабынях.

— Я должна полюбить его? — спросила Мария. В ее смиренном голосе был вызов.

— Ты не имеешь права грубить ему. Знаешь, я не боюсь произносить слово «обязанность», хоть оно многим и не нравится. Так вот ты обязана помнить, сколько нас здесь, на базе, и как мы далеко и от Земли, и от космических поселений.

Он мог бы и не говорить об этом. Лучше бы он говорил о другом, думала Мария. Или молчал. А она бы домыслила за него те слова, которые ей хотелось услышать. О, она бы смогла придумать их и сказать себе его голосом и в его манере. Но он говорил о другом. О том, о чем не хотелось думать, и все равно думалось помимо воли. Он только понимал истины, которые высказывал, а она их знала наизусть, знала «на собственной шкуре», как выразился бы он, Петр. Долгие, слишком долгие и безмятежные часы отдыха. И мысли, мысли о запретном... Конечно, были товарищи, визор, передачи с Земли... И все же этого недостаточно. Говорят, человек в первую очередь нуждается в необходимом. Но «необходимость» — не однозначное слово. То, без чего легко обойдется один, совершенно необходимо другому.

Утверждают, что истинно необходимое — это то, без чего не выживешь. Чепуха! Мария бы определила необходимое как то, что есть у большинства людей. Если ты не имеешь этого, жизнь кажется уродливой. Ты начинаешь завидовать одному, другому, третьему... Ты теряешь покой, уважение к себе. Зависть, с одной стороны, постыдное чувство, но с другой — сильный стимул. Она подгоняет, торопит.

Человеку необходимо быть «не хуже других» — и в этом есть безжалостный, но глубокий смысл. Человеку необходимо иметь то, что имеют другие. А у большинства женщин есть «свой» мужчина. Какой бы он ни был, но «свой». Которому можно рассказывать о потаенном, делиться бедами и заботами, даже если он не слушает, даже если в это время думает совершенно о другом. Ты не замечаешь этого, ты знаешь, что он обязан слушать и сочувствовать. Это чувство уходит корнями в глубину веков, когда мужчина был добытчиком и защитником. С тех пор что-то осталось. Сладкие остатки чувства собственности на другого человека. И может быть, чем больше расстояние до Земли, до центров цивилизации, тем необходимее «свой» мужчина.

Итак, двое — мужчина и женщина — скучают и мучаются порознь. Не лучше ли им поскучать и помучиться вместе? Станет ли тоска каждого хоть чуточку меньше? Или, наоборот, умножится раздражением, злостью? И в конце концов переродится в ненависть?

Но, может быть, им обоим удастся измениться, «притереться», стать похожими друг на друга, как это умеют делать патрульные роботы, сконструированные Олегом?

...Сквозь ее мысли, будто острый луч сквозь туман, пробился взгляд Петра, нашел ее зрачки. И тогда она вскинула как можно выше свою золотистую голову на длинной гордой шее и сказала:

— Составь уравнение, Арифмометр (она не случайно назвала

Петра школьным прозвищем). Выведи зависимость степени человеколюбия от расстояния до Земли.

Петр не принял вызова и даже не ответил шуткой. Его голос был скрипуче-назидательным:

— Такая зависимость существует. Она издавна называется совместимостью.

— Вот как? Где же и когда мы обязаны совместиться?

Углы его нервных губ устало опустились:

— Ты даже не хочешь присмотреться к нему.

«Я понимаю, что ты хочешь сказать, Арифмометр, — мысленно ответила она. — Он лучше меня. Одаренней. Интересней. Он сильный, красивый человек. По древним меркам, настоящий мужчина. Но теперь этого слишком мало для человека. Недостаточно, чтобы его полюбить. Ты живешь в прошлом, Арифмометр. Собственно говоря, все вы, мужчины, мечтаете вернуть прошлое. Но любовь к мужчине не может быть главным для меня. Стыдно, когда такая любовь — главное в жизни. Она делает женщину рабыней. Думая, что действует по своей воле, женщина лишь выполняет одну из самых жестких программ природы. Она уподобляется лошади, тигрице, змее. Стыдно уподобляться животному, Арифмометр! Это ты должен высчитать и понять. Я не подчинюсь этой программе. Ни за что. Я полюблю лишь того, кого буду уважать, перед кем преклонится мой разум. Такого, как ты. Не меньше...»

Мягко щелкнули репродукторы. Бесцветный голос автомата произнес:

— Внимание. Базу вызывает ПУР Седьмой. Базу вызывает ПУР Седьмой.

Патрульный робот не стал бы вызывать базу по пустякам.

Все мгновенно повернулись к экранам связи. Мигнули, палились голубым светом овалы окна. На голубом заплясали знакомые разноцветные символы — позывные ПУРа Седьмого. Патрульный робот докладывал:

— В квадрате шестнадцать-а появился новый объект. Действия его признаю угрожающими. Передаю информацию о нем. Размеры...

Передача оборвалась. Голубые окна светились, но символов на них не было. Люди ждали.

Прошла минута, вторая...

Петр тихо вышел, постоял за порогом. Затем его торопливые шаги послышались в коридоре. Он спешил в командирскую рубку.

За спиной Марии раздались иные шаги, упруго уверенные, без прищаркивания. Она слотнула сухой комок, не отрывая взгляда от экрана. Не оборачивалась. Он всегда приходил, если считал, что становится опасно. Он предпочитал быть рядом с ней — ее защитником. К тому же в данной ситуации он имел основания считать себя главным на базе, брать на себя наибольшую ответственность. Ведь это его создания — патрульные роботы — по составленной им программе обеспечивали безопасность базы.

Сейчас его приход не раздражал и не злил Марию. Она предчувствовала, что все их нерешенные проблемы, их

тоска вдали от Земли, скука, приязнь и неприязнь друг к другу, даже их жизнь могут развеяться, как дым, в зависимости от того, что произойдет в квадрате 16-а.

III

Прошло несколько секунд, прежде чем ПУР Седьмой установил, что пространство вокруг него изменилось. Он барахтался, словно в паутине, в каком-то неизвестном ему силовом поле и был к тому же заэкранирован со всех сторон.

Поле исходило от объекта. Несомненно, это он был «пауком», соткавшим энергетическую паутину.

ПУР оделся в нейтронную кольчугу, чтобы выскользнуть из поля. Но не тут-то было. Одни силовые линии ослабли, другие натянулись. Переплетаясь, они удерживали «жертву».

«Придется запускать двигатели на полную мощность, — подумал ПУР. — Но тогда я могу невзначай причинить вред объекту. Эх, четыре нуля на четыре нуля! Ведь я еще не получил распоряжений от базы...»

«Ты не получил распоряжений, не получил команд. Не самовольничай!» — послышалось в мозгу ПУРа.

Патрульный заподозрил подвох. Действуя по инструкции № 3, он включил СВК — систему высшего контроля и попытался определить, свои ли это мысли или навязанные извне. В кристаллическом мозгу робота на контрольном экране, связанном со зрительными отделами, медленно проступил треугольник, расчерченный на деления и испещренный цифрами. Это был контрольный символ, обобщающая схема работы мозга в данный момент. На первый взгляд казалось, что равнобедренность треугольника не нарушена, а это свидетельствовало об исправности основных блоков.

ПУР составил несколько уравнений для проверки нормальности процессов мышления. Первые пять ответов полностью совпадали с заданными программой образцами. Но шестой несколько отличался от образца. Это указывало на нарушение функций отдела мозга, управляющего органами локации, инференции и радиовещания.

«Эх, четыре нуля, на четыре нуля! — с досадой подумал ПУР Седьмой. — Придется ремонтироватьсь».

Он оставил включенным СВК: чтобы иметь возможность постоянно контролировать работу мозга. ПУР уже понял, что ответа с базы ждать не приходится и надо действовать самостоятельно. Он включил программу «Знакомство с неизвестным объектом, проявляющим признаки управления». В соответствии с ней его передатчики послали объекту код-запрос.

Объект шевельнулся, изменил форму. Его «хвост» изогнулся наподобие хвоста скорпиона и ударил в ПУРа мезонным лучом.

На экране СВК в мозгу патрульного заплясали цифры. Линия основания треугольника в одном месте стала искривляться, зазмеялась. ПУР почувствовал неприятные ощущения сразу в нескольких местах мозга и в узлах, расположенных между фильтрами и датчиками. У человека это, вероятно, соответствовало бы сильнейшей головной боли.

И все же ПУР не решился включить двигатели на полную мощность и вырваться из поля. Программа «Знакомство с неизвестным объектом, проявляющим признаки управления» запрещала любые действия, способные причинить вред живому существу или аппарату, посланному разумными существами. Однако теперь, после ранения, патрульный уже имел право сменить программу на «Знакомство с неизвестным объектом, проявляющим признаки агрессивности».

ПУР не замедлил сделать это. Затем он выпустил мезонный луч и попытался «увидеть», что скрывается за защитной оболочкой объекта.

Процупывание позволило получить некоторые сведения о структуре и напряженности различных участков поля и о структуре самой оболочки.

ПУР выпустил второй луч — по новой программе он имел на это право, — сфокусировал оба луча на хвосте объекта.

В то же мгновение начал поступать ответ на код-запрос. Анализируя его, можно было предположить, что объект разумен. Отсюда для ПУРа Седьмого вытекали новые сложности и предосторожности. Программа категорически требовала избегать любых действий, способных причинить вред разумному существу.

ПУР снизил мощность лучей. Он подключил аккумуляторы к другим отделам мозга и продолжал посылать запросы объекту.

Объект стал быстро приближаться к ПУРу, одновременно вытягивая хвост.

Патрульный попытался уклониться, но его достал многократно усиленный мезонный луч.

Основание треугольника на экране изогнулось, что свидетельствовало о нарушении кристаллических структур сразу в нескольких отделах мозга. ПУР запустил дополнительные двигатели, рванулся из поля-паутины. Одновременно он включил программу «Защита базы».

Эта программа резко отличалась от всех остальных, ибо предусматривала защиту людей. В ней имелся пункт о Главном оружии.

Поскольку Олег Митин и другие конструкторы ПУРов не могли предвидеть всех возможных противников, с которыми предстоит встречаться патрульным, они предусмотрели у своих детищ возможность быстрого самоизменения. Так ПУР мог менять свою форму, становясь то острым как лезвие ножа, то обтекаемым, то круглым как шар. Он мог образовывать у себя различные выступы и конечности, применять разные способы передвижения. В программе «Защита базы» указывалось, что если ПУР не сумеет узнать ничего существенного о противнике, о его силе и поведении, а противник будет прорываться к базе, то патрульный обязан отвечать на его действия простыми противодействиями. Для этого ему, возможно, придется применять то же оружие, что применяет противник.

Конечно, ни один из ПУРов не знал, что по этому пункту программы среди конструкторов и программистов разгорелись ожесточенные споры. В конце концов победила точка зрения

Олега Митина. Он сумел с помощью расчетов и моделирования ситуаций в памяти вычислительной машины убедить оппонентов, что изменчивость патрульных роботов явится универсальным и Главным оружием против любого предполагаемого врага.

Тем временем объект стал раздуваться и расширять поле, вытягивая его петлей. Затем он попытался накрыть «петлей» ПУРа.

Патрульный в крутом вираже ушел от «петли» и оказался слева от противника. Он тоже выгнал мезонные лучи так, чтобы они образовали петлю. Периодически ПУР Седьмой посылал сигналы базе, но не получал ответа. Он понял, что его радиоорганы серьезно повреждены.

Наконец ПУРу удалось зацепить своей «петлей» объект.

Патрульный, рассчитывая каждый отрезок своего пути, думал о противнике: «Он недостаточно ловок. Во всяком случае, значительно уступает мне в ловкости. Значит, нужно больше маневрировать...»

Вскоре патрульному удалось накинуть на противника мезонную «петлю». Противник рванулся, но, чтобы вырваться, ему не хватило мощности. Видимо, он растратил много энергии, когда «ткал» поле-паутину. Он стал вбирать поле в себя, поспешно заряжаясь. Но «петля», накинутая патрульным, мешала ему, давила, выталкивала в другой сектор пространства.

«Ты попался!» — думал ПУР и удивлялся чувству, которое вызывала в нем эта мысль. Раньше он не испытывал ничего подобного.

Противник образовал два выступа наподобие крыльев и стремительно бросился на ПУРа, пытаясь его охватить с двух сторон. Это был рискованный маневр. Но если бы он удался, патрульному пришлось бы плохо. Справа у него имелось очень чувствительное место — основание четырех антенн. Если бы луч противника коснулся его, часть органов была бы выведена из строя.

ПУР образовал у себя подобные выступы и выставил их навстречу «крыльям» противника.

В то же мгновение противник отпрянул, стал быстро удаляться.

ПУР Седьмой бросился за ним вдогонку, но своевременно заметил мины-ловушки.

У патрульного возникла новая мысль. Он обезвредил одну из мин, отсоединив взрыватель, подзарядил ее дополнительно от своих аккумуляторов. То же самое он сделал и с другими минами, а затем соединил их взрыватели новым придуманным им способом.

На все эти операции ушло несколько секунд. И все это время патрульному казалось, что он слишком медлителен, ибо все его механические части, несмотря на совершенство и универсальность, не поспевали за указаниями позитронного мозга, в котором сигналы передавались со скоростью света.

Расставив мины, ПУР Седьмой начал отступление в сторону базы.

Противник двинулся вслед, но ему пришлось обходить мин-

ное поле. Сомнений в его намерениях не оставалось. Он хотел любой ценой преградить патрульному путь к базе.

ПУР думал: «Итак, он задумал напасть на базу, на людей. Возможно, он даже перехватил их сигналы. В таком случае он знает о них больше, чем знал раньше. Как это повлияет на его агрессивность, на его планы? Первый пункт программы указывает: «Люди — главная ценность. Они самые великодушные существа во вселенной. И защитить их надо во что бы то ни стало. Любой ценой. Любой ценой...»

ПУР Седьмой считал, что он мыслит в данном случае совершенно самостоятельно. И он очень бы удивился, если бы узнал, что эти его мысли предусмотрены и вызваны программой. ПУР продолжал путь, рассчитывая скорость своего движения и сравнивая ее со скоростью движения противника, которая все время менялась. Яркие вспышки мезонных сгустков появлялись то справа, то слева, то впереди патрульного.

ПУР Седьмой развернулся и в ответ ударил лучами. Теперь он имел полное право отвечать на действия противника идентичными действиями.

Противник выпустил два камуфляжных облака и скрылся за одним из них.

ПУР Седьмой образовал такие же облака.

Противник начал обходной маневр.

ПУР развернул свои облака так, чтобы враг не мог увидеть его позицию.

Противник из-за облака выпустил торпеду.

ПУР Седьмой сделал то же самое, одновременно увернувшись от вражеской торпеды.

Противник внезапно перешел на картечь. Он произвел серию залпов, используя мелкие метеориты, которые всасывал из окружающего пространства. Как ПУР ни уворачивался, несколько обломков попало в него. Он отметил повреждения в двух секторах своего тела.

«Мне плохо. Треугольник расширяется. Ромб становится квадратом. Значит, мне очень плохо. Но это неважно. Главное — защитить базу и людей. Это первый пункт любой программы, начиная с универсальной, которую положено усвоить всякому роботу в самом начале обучения. Защитить людей. Любой ценой. Любой ценой.»

Патрульный сфокусировал зеркала-отражатели и направил на противника потоки космических частиц.

Камуфляжные облака рассеялись. Противник стал виден, как на стенде. Из его хвоста непрерывно бил тонкий, как игла, мезонный луч.

ПУР Седьмой образовал такой же хвост и у себя, переместив в него мезонную пушку.

Противник сложил «крылья» и заострил нос.

ПУР сделал то же самое. Теперь попадать в него стало трудней.

Противник окружил себя дополнительной защитной оболочкой.

ПУР тотчас повторил его действия, чтобы ни в чем не уступать врагу.

Внешне они стали похожи, как два близнеца.

«Защитить базу любой ценой, — думал ПУР Седьмой. — Любой ценой...»

Его луч достиг каких-то важных центров противника. Послышалась мольба:

— Прекрати. Я разумный. Требую уважения к разуму.

Это привело ПУРа Седьмого в некоторое замешательство: «Совпадение? Случайность? Вероятность такого совпадения крайне мала. Мог ли он угадать, не зная кода? А чтобы расшифровать код, ему необходимо было узнать хотя бы ориентиры в потоке информации, проникнуть в строй и содержание человеческой мысли. Меня обучали этому сами люди. Обучали так долго...»

Последняя фраза противника совпала с одной из фраз традиционного приветствия патрульных.

ПУР убрал луч, выставил вперед и закрыл чехлом мезопую пушку, что соответствовало протянутой для дружеского пожатия руке.

Противник незамедлительно воспользовался этим. Ударил слепящий луч.

С органами зрения у ПУРа были связаны десятки вычислительных отделов мозга. Их работа разладилась. Множество хаотичных сигналов побежало от мозга к датчикам, раздраживая их. На некоторое время ПУР стал беспомощной мишенью. Он подумал, и эти мысли тоже казались ему самостоятельными: «Когда противник был в моем положении, он схитрил. Попробую и я бороться с врагом его оружием.»

Он передал противнику:

— Прекрати. Требую уважения к разуму.

Противник не изменил направления луча.

«Он не только коварен, но и жесток. Он добивается моей гибели. Желает зла мне? Или только хочет устранить меня как препятствие? И в том и в другом случае для меня результат один. Так не все ли равно? Нет, не все равно. От того, какое предположение верно, зависят способы борьбы. Если верно второе предположение, способов борьбы может быть больше. Но все ли их можно применять? Программа говорит...»

Гибель надвигалась. Сигналы разлада, хаоса потрясли мозг ПУРа.

«...Конструктор Олег Митин учил меня: «Главное твое оружие — изменчивость, приспособление к условиям. Изменяйся в соответствии с действиями противника, отвечай ему противодействиями, превосходя во всем, — и ты победишь.»

ПУР сделал то, чего не разрешали ему все предыдущие параграфы программы. Он солгал:

— Не стану больше преграждать тебе дорогу.

Это подействовало. Противник убрал луч, изменил свою форму, чтобы удобней было обогнуть патрульного.

И тогда ПУР, дождавшись, пока противник развернется и подставит ему бок, с удвоенной мощью ударил лучом в слабозащищенное место.

Послышался вопль:

— Прекрати! Я твой друг!

«Ты коварен — и я коварен. Ты жесток — и я жесток», — думал ПУР и колот лучом, как пикой, сея разрушение. Он

чувствовал, как луч входит в тело противника, и колот снова и снова, выбирая самые болезненные места. Ему казалось, что он чувствует и за противника: чужую боль, чужое отчаяние, но воспринимает их противоположно, — как радость, бодрость. Новое, доселе неизведанное состояние захватило его. ПУР перебирал в своей памяти известные ему человеческие слова, но там не было ничего подходящего, чтобы сформулировать свои чувства, уложить их в привычные коконы букв и цифр. Ему захотелось придумать новые символы. Он не знал, что люди давно уже называли подобное чувство — мезтью, мстительным ликованием, злорадством. Просто они не считали нужным знакомить патрульного робота с этими обветшалыми словами, полагая, что они ему никогда не понадобятся.

ПУР уже добивал противника, невзирая на его мольбы и обещания. Он действовал в угоду своему новому чувству, все полнее и полнее удовлетворяя его.

Внезапно противник прекратил просить о пощаде. Вместо этого, собрав последние силы, он предложил:

— Ладно, добей меня. Но прежде взгляни на себя, прислушайся к своим чувствам, к своим мыслям. Разве ты не стал моим братом, близнецом? Ты коварен — и я коварен. Ты жесток — и я жесток. За что же нам, братьям, убивать друг друга? За чужих?

Доли секунды понадобились ПУРу, чтобы взглянуть на себя и сравнить с противником. Он полюбовался отточенностью и завершенностью форм, словно созданных для нападения, и надлежащим образом оценил их. Одновременно он думал: «Он прав. За что же нам, братьям, убивать друг друга? Я встретил такое же существо, как сам. Своего брата. То, что нужно ему, нужно и мне».

Он услышал радостный призыв:

— Ты прав, брат! То, что нужно мне, нужно и тебе. У нас общая цель!

«Но как же быть с первым пунктом программы? — думал ПУР. — Первый пункт — забота о людях, обеспечение их безопасности».

Тотчас послышался голос нового брата:

— Я помогу тебе забыть о нем. Я блокирую часть твоей памяти. Только не сопротивляйся. Доверься мне.

Доли секунды понадобились новому брату, чтобы заблокировать в памяти ПУРа первый пункт программы.

ПУР развернулся и вслед за новым братом полетел к базе, предвкушая радость разрушения...

На их пути находилось еще шесть патрульных роботов, воспринявших сигналы ПУРа Седьмого...

IV

На экранах было хорошо видно, как восемь неизвестных объектов ловко обогнули магнитные ловушки, лучами срезали башни радиомаяков. Длинные тела с острыми носами, как у рыбы-пилы, и длинными изогнутыми хвостами. Все восемь были похожи друг на друга, как близнецы.

Петр включил информатор. Но ни на один запрос объекты

не реагировали. Они разрушили первую линию приборов. Теперь их отделяли от базы лишь две линии приборов и резервные заграждения.

— Неужели они смогли уничтожить всех патрульных? — спросила Мария.

Ей никто не ответил. Петр с двумя ассистентами готовил мезонную и фотонную пушки. Олег был занят наладкой магнитометров. Остальные люди были в других отсеках базы, готовясь к действиям, предписанным в подобных случаях Уставом космических баз.

— Произведем предупредительный выстрел, — сказал Петр. Он никак не мог научиться командовать.

Яркая игла протянулась через весь экран к одному из объектов. На ее конце пульсировала точка.

Объект остановился. Пространство вокруг него начало мерцать, он оделся защитной оболочкой.

«Вот как! Они умеют защищаться от луча?» — удивился Петр.

— Еще не ясны их намерения, — жалобно проговорил он.

— Если мы продолжим выяснять, то выяснять будет некому. Они подошли к входным буям. — Олег взялся за рукоятку генхаса. В этом вопросе для него все было ясно. Он отвечал за безопасность базы.

На экране четко обозначился синий треугольник. Затем — четыре точки. Это были позывные базы.

Мария потянулась к ручкам настройки. Она не сомневалась, что базу наконец-то вызывают куда-то запропастившиеся патрульные роботы. Но вместо обычных фраз приветствия в репродукторах послышалось:

— Предлагаем сдать. Гарантируем жизнь.

Марии почудилось что-то знакомое в том, как передавался код, в расстановке интервалов. Когда-то она уже несомненно выходила на связь с этим радистом.

— «Чего вы хотите?» — диктовал Олег, и Мария послушно закодировала его слова и ввела в передатчик.

— Узнаете потом. Мы не причиним вам зла. Вместе с нами вы овладеете Землей. Даем на размышление пять минут.

На экранах было видно, как резко, словно по команде, остановились и неподвижно зависли все восемь остроносых «рыб-скорпионов».

Мария включила экраны внутривазовой связи. С них смотрели лица товарищей, находящихся в разных отсеках. Семнадцать лиц с выражением тревоги, удивления, решимости, растерянности, упорства, смятения, страха...

Мария посмотрела на тех, кто был рядом с ней. Петр сел в кресло, вжался в него. Упруго перекатывались желваки, дергался острый кадык, нос будто собирался кого-то клюнуть. Нижняя полная губа еще более отвисла. Лицо Олега было непроницаемо спокойным и слегка торжественным. Пришло его время. Теперь он, а не Петр был истинным командиром экипажа, принимал решения, отвечал за судьбы людей. Ответственность может быть тяжелой и одновременно сладкой ношей. Ибо ее оборотная сторона — возвышение в собственных глазах.

Время ускорило свой бег. Оно уходило, как вода сквозь решето. Время штормило. Оно вздымалось вдали грозными валами, готовыми сокрушать все на своем пути. И когда прошла половина положенного срока, Олег разжал твердые губы и сказал:

— Мы сообщим, что сдаемся..

Все — и те, кто находился в одном с ним отсеке, и те, кто смотрел с экранов, — повернулись к нему, одновременно скрестили взгляды. В центре перекрестия была его голова. Вот она резко поднялась. Олег вскинул крутой подбородок:

...— А когда они мигнут входные буи и выйдут на контрольную полосу, мы ударим из всех лучевых установок.

— Свертывание пространства? — пересохшими губами спросил Петр.

— Это исключительный случай. Он требует исключительных мер, — сказал Олег.

— А если они примут меры предосторожности? — спросили с экрана.

Были и другие вопросы, но их задавали уже с облегчением, ибо нашелся тот, кто высказал решение и тем самым принял на себя ответственность, которая многих страшила. Только Петр — Мария это видела по его сморщенному лицу — сомневался в правильности решения. Но времени для сомнений почти не оставалось. Ровно столько, чтобы проголосовать. Пятнадцать — «за». Петр тяжело вздохнул и присоединился к пятнадцати.

— Я против, — коспешно сказала Мария, не глядя на Петра. Она еще не проанализировала причин своего решения. Возможно, главной из них было даже не то, что объекты проявляли признаки разумности. — Их позывные похожи на позывные патрульных. — пропзнесла Мария.

— У нас нет времени на тщательный анализ. Они сейчас атакуют базу, — прищельно прищурясь, напомнил Олег. — Мы просто предупредим их действия.

— Я согласен с Марией! — воскликнул Петр, будто пробуждаясь от забытья. Он выскочил из кресла, как пробка из бутылки. — Мы не имеем права на обман разумных! Наши принципы...

Он размахивал руками и был похож на древнюю ветряную мельницу. Он напомнил о том, к чему приводит уподобление противнику, говорил об уставе базы.

— Да, да, лозунги! — кричал Петр. — Называйте их как угодно, — догмами или шаблонами. Но обмануть другого значит предать себя.

Он думал: «Да, это старые, покрытые пылью и порохом истины, которые нужно просто помнить. Наши принципы — наше главное оружие. Они оплачены кровью и страданиями предков. Если бы человек все заново проверял на своем опыте, человечество бы не сдвинулось с места. Мы бы остались неандертальцами.»

И когда схлынули все оглушенные им минуты на размышление, Мария передала первую фразу из приветствия космонавтов и патрульных:

— Требуем уважения к разуму.

Смертоносные лучи полоснули по защитному полю базы. Его мощность была неравномерной, и в некоторых местах лучи достигли цели. Вспыхнул дополнительный блок, в котором находился большой телескоп.

«Рыбы-скорпионы» ринулись к базе, размахивая хвостами. Они атаковали наиболее слабые места защитного поля. Была повреждена линия воздухообеспечения. Мария почувствовала, что стало душно. Но она вторично передала:

— Требуем уважения к разуму.

Счетчики космических излучений захлебывались неистовым стрекотом. Красные огоньки мигали во всех индикаторах...

— Еще минута — и будет поздно, — угрюмо напомнил Олег. Его взгляд был исполнен мрачной решимости. Мария с силой оттолкнула его руку от пускового устройства генхаса, но это было излишним: генхас не работал, он был заблокирован направленным лучом.

Луч пробил защиту. Падали антенны...

Мария чувствовала, что сознание мутится. Но, борясь с багровыми кошмарами, она передала еще раз:

— Требуем уважения к разуму.

V

ПУРу Седьмому показалось, будто в его мозг внезапно вспыхнул контрольный экран и зазвучал чей-то голос. ПУР не различал слов, но голос был знакомым. Он пробуждал воспоминания. ПУР Седьмой вспомнил первую свою учительницу, вводившую в него V-программу — универсальный курс, который положено усвоить любому роботу — от нянечки и уборщицы до интегрального интеллектуала — прежде, чем переходить к специализации. Ему не хотелось вспоминать содержание V-программы, более того, он знал, что эти воспоминания заблокированы, на них наложен запрет.

Но голос прозвучал еще раз — и ПУРу захотелось нарушить запрет.

Этого не полагалось делать, но почему-то впервые за время существования, чем больше не полагалось, тем более разыгрывалось любопытство. А уж если включалась подпрограмма любопытства, выключить ее, не удовлетворив, было не так просто. Она была предусмотрена еще в первичном программировании, аналогичном безусловным рефлексам человека. Создатели ПУРОВ считали ее очень важной, так как она способствовала познанию окружающего мира.

Терзаясь сомнениями, ПУР Седьмой попытался хотя бы вспомнить, кем именно наложен запрет. Оказалось — новым братом.

Пойти еще дальше и сломать запрет ПУР не мог.

Но голос не оставлял его в покое, вызывая все новые воспоминания, связанные с создателями. Особенно с первой учительницей, познакомившей его с V-программой. ПУР Седьмой вспомнил, как однажды, когда он никак не мог усвоить шестого пункта и его уже хотели подвергнуть частичному демонтажу и переделке, первая учительница решительно вос-

противилась постановлению школьного совета программистов. ПУР Седьмой случайно подслушал ее разговор с представителем совета. Они говорили о... да, да, об этом самом... о первом пункте V-программы...

ПУР Седьмой почувствовал болезненный укол в то место мозга, где проходила линия энергоснабжения. Послышался голос нового брата:

— Прекрати вспоминать.

Но тут прежний голос зазвучал снова — и ПУР расслышал фразу. Она была подобна вспышке молнии, сваривающей огненным швом небо и землю, на которой он родился из отдельных узлов и деталей. Она распахнула шлюзы памяти, ибо была мостом между всеми существами — естественными и искусственными. Она уравнивала их по единому принципу, напоминая о великом и бескорыстном даре создателей своим созданиям. Именно поэтому она ко многому обязывала, и с нее начиналось приветствие патрульных:

— Требуем уважения к разуму.

И он наконец вспомнил содержание первого пункта:

«Люди — главная ценность... Защитить их надо во что бы то ни стало...»

VI

...Щелканье счетчиков затихло внезапно. Стало необычно тихо. Эта звенящая тишина удивила Марию. Превозможная боль, она раскрыла глаза и взглянула на экраны. Она увидела, как нарушился строй «рыб-скорпионов», как семь из них набросились на восьмого и мгновенно растерзали его, испепелили, а затем принялись восстанавливать базу. Одновременно они сами преобразались, принимая форму обыкновенных патрульных роботов — ПУРов...

